

«ԱՄՅԻՆ»

Олег КУРГУЗОВ

СМЕШНЫЕ РАССКАЗЫ
Маленького
МАЛЬЧИКА

#ШКОЛЬНОПРИКОЛЬНО

«МАСТЫЦ»

Запасайтесь морковкой!

Мама очистила мне морковку.

— Хрум-хрум-хрум, — начал я.

— Здорово у тебя получается! — позавидовала мама. И очистила морковку себе.

— Хрум-хрум-хрум, — начали мы с мамой.

— Чего это вы тут делаете? — удивился папа, заглянув на кухню.

— Морковку жуём, — говорим мы.

И папа очистил себе морковку. Стали мы жевать втроём.

— Хрум-хрум-хрум!

Тут к нам в дверь постучали.

— Чего вы делаете? — спросила соседка. — У нас в квартире от вас шумно.

— Морковку жуём! — говорим мы.

И соседка присела за стол.

— Хрум! Хрум! Хрум! — хрумкали мы вчетвером.

Потом к нам зачастили соседи по подъезду.

— Чего вы тут творите?! — изумлялись они.

— Морковку жуём! — отвечали мы.

И они по очереди присоединялись к нам.

— Хрум!!!! Хрум!!! Хрум!!! — хрумкали мы все вместе.

У нас с полок стали падать кастрюли. Стол и шкафы ходили ходуном. Оконные рамы хлопали, стёкла дребезжали.

Прохожие останавливались возле дома и смотрели на наши окна.

— Эй! Чего вы там затеяли?! — кричали они.

— Морковку жуём! — вопили мы в ответ. — Хрум!!! Хрум!!! Хрум!!!

Во дворе зашумели деревья, тревожно закричали кошки. Ещё немного, и мы устроили бы МОРКОВНЫЙ УРАГАН. Да вот только морковка кончилась...

Зверская фотография

У папы болели зубы. И от боли он делал зверское лицо. А ему надо было на новый паспорт фотографироваться.

— Немедленно получите новый паспорт! — говорит ему дяденька милиционер.

— Не могу же я с таким лицом на паспорт фотографироваться, — возражает папа, мычит от боли и снова делает зверскую физиономию.

— Как хотите, только у нас в стране без паспорта нельзя, — говорит милиционер. — С таким лицом и без паспорта вас запросто могут в тюрьму посадить.

— Эх-х! — вздыхает папа и идёт фотографироваться.

А тут у папы зубная боль и прошла. Отправились мы с ним к морю отдыхать. Только нас в самолёт не пускают. Потому что теперь у папы лицо нормальное и на паспортную фотографию не похоже.

— Это не ваш авиабилет и паспорт не ваш, — говорит папе милиционер в аэропорту. — Вы на себя не похожи.

— Конечно, не похож, — соглашается папа. — Я теперь здоровый, а тогда больной был.

— Может, вы и теперь больной, — не верит милиционер. — Потому что не свой паспорт предъявляете. А у нас даже здоровых без паспорта в самолёт не сажают.

— Ну и дела! — говорит папа и в сторонку отходит.

Я боюсь, что папа домой вернётся, и хнычу:

— Папочка, к морю хочется...

— И мне хочется, — отвечает папа. Потом грустно вздыхает и зверское лицо корчит, будто у него зубы болят.

— Вот теперь другое дело, — говорит милиционер. — Теперь у вас и в паспорте и наяву одно лицо. Всё по правилам. Можете в самолёт садиться.

Прилетели мы с папой к морю и в Дом отдыха пришли. Стали нас в комнату поселить и паспорт у папы спросили. А папа забыл зверское лицо сделать.

— Гражданин! Почему у вас паспорт чужой? Там ведь совсем другой человек сфотографирован, — говорит ему начальник Дома отдыха. — Мы по чужим паспортам не селим.

— Ох, извините! — говорит папа, быстренько в сторонку отходит и зверское лицо делает.

— Совсем другое дело! — хвалит папу начальник Дома отдыха. — А то ишь вздумали — паспортную внешность изменять.

И поселяет нас в комнату.

Сложили мы с папой вещи в уголок и обедать пошли. Папе есть очень хотелось, он про зверское лицо-то и позабыл. А навстречу — начальник Дома отдыха.

— Гражданин! Гражданин! — кричит начальник. — Вы тут не живёте! У нас жильцов с такими лицами нет. Прошу покинуть столовую!

Весь обед папа зверское лицо делал. От этого у него зубы снова разболелись.

— Эх! — вздохнул папа. — Если я с таким лицом постоянно ходить буду, меня зубы вконец изведут. А с нормальным лицом меня отсюда выгонят...

— Ладно! — говорю я и тоже вздыхаю. — Ну его, это море, если здесь с нормальным лицом нельзя.

Папа обнимает меня, и мы возвращаемся домой. Мама радуется, паспорт у папы не требует и из дома не выгоняет. Потому что она папу просто так любит. А не за документы.

Ух, котище!

Мама, папа и я ужинали. А кот Лукьян сидел возле стола и смотрел на нас просящими глазами.

Мама отломил кусок сыра и сказала:

— Хочешь сыра, Лукаша? Скажи «мяу».

Кот молчал.

Тут к нам пришла тётя Паша — родственница по папиной линии — и села к столу.

— Лукаша, скажи «мяу», и тебе дадут сыра, — пропела она.

Кот молчал.

Тут к нам пришёл дядя Саша — родственник по маминой линии — и тоже сел к столу.

— Ну, кот, выдай «мяу» и получишь кусок сыра, — строго сказал он.

Кот молчал.

«Эх! — подумал я. — Если бы кот был большим и сильным как тигр, они бы не стали дразнить его».

И тут кот начал расти на глазах. Он рос, рос, рос и превратился в огромного котищу-тигрищу!

— Ну-ка, все хор-р-ром, — зарычал он, — скажите «мяу», или я вас сожру!

Родственники задрожали, прижались друг к другу. И я услышал стук их зубов.

— Быстр-р-ро! — рычал Лукьян.

— М-м-м-я-а-а... — заблеяли родственники.

— Др-р-ружно! — командовал Лукьян.

— Мяу-у-у!!! — завопили родственники.

А я подошёл к Лукьяну, погладил его, почесал за ухом. И котище-тигрище снова стал маленьким котом.

Сколько весит голова?

Мама взвешивала на домашних весах арбуз, а папа смотрел-смотрел и вдруг говорит:

— Слушай! Идея! А что, если положить на весы голову и взвесить её?

Мама посмотрела на него и ничего не сказала. А папа задумался и говорит:

— Вообще-то, наверное, ничего не получится. На эти весы можно положить не больше пяти килограммов.

А мама сказала:

— Ты думаешь, твоя голова больше весит?

Папа нахмурился и ушёл из кухни. Мама положила арбуз на подоконник и тоже ушла.

А потом они выясняли отношения в комнате.

— Ага!.. — говорила мама.

— Ну-ну! — сердился папа.

А я думал: «Всё-таки наш папа умный! Я бы никогда до такого не додумался бы!»

Они всё выясняли отношения, а я взвешивал свою голову. Только у меня ничего не получалось. Когда я клал голову на весы, то не мог видеть стрелку. Как только снимал голову с весов, стрелка сразу же возвращалась на «ноль».

И тут меня осенило. Я принёс из ванной большое зеркало и поставил его напротив весов. Теперь-то я всё увижу!

Я положил голову на весы и стал смотреть в зеркало. Но тут в комнату вошла мама.

— Сумасшедший дом! — говорит она. — Ты посмотри, чем занимается ребёнок!

Тут в комнату вбежал испуганный папа.

— Ох, — вздохнул он с облегчением. — Я думал, что-то случилось. А ребёнок просто экспериментирует. Развивает отцовскую идею.

— Ага-а, — говорит мама. — Значит, вы заодно?!

— Почему бы и нет? — говорит папа. — Давайте все будем заодно?

И наклоняется к весам.

Тогда и я кладу свою голову на папину голову.

Мама смотрела на нас, смотрела, а потом махнула рукой:

— Была не была!

И положила свою голову на наши. Мы все вместе стали смотреть в зеркало.

Тут в весах что-то звякнуло, и стрелка убежала на «ноль».

— Ну вот, доигрались, — говорит мама. — Сломали аппарат.

А папа говорит:

— Не огорчайтесь. Давайте гордиться! Ведь умственную силу нашей семьи не измерить никакими весами в мире!

И кошки храпят

На папин день рождения собралось много гостей. Тётушки с их мужьями, дядюшки с их жёнами, мамы и папы сослуживцы. Они пили, ели и громко разговаривали.

И вдруг папа сказал:

— Внимание! Маленький сюрприз — загадка природы!

Он погасил свет и включил магнитофон.

Из магнитофона слышалось сонное сопение и храпение.

Папа зажёл свет и, таинственно улыбаясь, спросил:

— Ну? Что это было? Кто храпел?

Гости поглядывали то на папу, то на маму и смущённо пожимали плечами.

— Ни за что не догадаетесь! — торжествующе заявил папа и выбежал из комнаты.

Вернулся он, держа на руках кота Лукьяна.

— Вот! — сказал папа. — Это кот храпел, а я его на магнитофон записал.

Ну, тут все, конечно, начали смеяться. Потом захохотали.

А я ушёл на кухню. Там на подоконнике сидел кот Лукьян, и в глазах у него были слёзы. Я забрался на подоконник, сел рядом с ним.

— Не расстраивайся, — сказал я. — Ты ещё не знаешь, как храпят папа с мамой. Вот мы их запишем на магнитофон и прокрутим кому надо.

Открытые двери

Мы сидели дома: папа, мама и я. Мама вязала носок, папа читал газету, а я рисовал корову.

Тут кто-то постучал в дверь.

Мама посмотрела на папу, вздохнула и снова принялась за носок.

Папа зевнул, посмотрел на маму и опять уткнулся в газету.

А я ни на кого не смотрел, я рисовал корову. И мне тоже некогда было дверь открывать.

Тот, кто был за дверью, начал сердиться и застучал громче и сильнее. Потом ещё громче и ещё сильнее. Потом был сплошной грохот!

— Так и дверь с петель слетит, — сказал папа и отложил газету.

Только он приоткрыл дверь, как в нашу квартиру ворвалась молния.

— Ши-и-их... Баба-а-ах!!!

Папа сидит в одном углу, мама сидит в другом углу, а я в коридоре валяюсь. А все мы чёрные, как негры. Это молния нас закоптила.

— Ничего себе взрывчики! — говорит чёрная мама. — Опасно сердить молнию и держать её за дверью.

— Ещё не то бывает! — говорит чёрный папа, сверкая белыми зубами. — Лучше и вовсе дверь не запирайте. Пусть молния влетает и вылетает, когда ей захочется.

Так мы и решили, оставили дверь открытой.

А на следующий день мы все вместе чистили картошку. Захотелось нам жареной картошечки.

И тут в нашу квартиру влетела молния. Сначала она сверкнула в коридоре, потом

появилась на кухне. Пошелестела немного, добродушно фыркнула и юркнула в форточку.

На кухне запахло печёной картошкой.

— Ну, что я вам говорил?! — воскликнул папа, перестав дрожать. — Если держать двери открытыми, можно и печёной картошечкой побаловаться.

Тут мы стали пробовать картошку, которую испекла молния. И глаза зажмурили. У-у-у!

Печёная — не то что жареная!

Солнце на потолке

Люблю греться на солнышке. Сядешь во дворе на скамейку и греешься. Можно ещё в лес пойти или на пляж. Везде — солнце!

Это летом так хорошо. А зимой на пляже не согреешься. И в лесу снега полным-полно. Увязнешь по горлышко и... И привет!

Зимой я греюсь на солнышке дома. Жаль только, что стены мешают солнцу осветить комнату целиком. Вот луч и прорывается сквозь окно, греет комнату по кусочкам. Сначала кресло, потом пол, потом шкаф. И я догоняю солнечный луч, сижу то в кресле, то на полу, то на шкафу.

И вдруг луч ложится на стену. Как же быть?! Ведь так хочется погреться на солнышке...

— Эх!

И я забираюсь на стену!

Там тепло-тепло, даже спать хочется. Я засыпаю и не слышу, как в комнату входит мама.

— Ты зачем на стену забрался?! — спрашивает она.

— На солнышке греюсь, — говорю я, открывая глаза.

— Солнце уже на потолке, — говорит мама.

И правда, пока я лежал на стене, солнце на потолок убежало.

— В новой рубашке на потолок не лезь, — строго говорит мама. — Перепачкаешься в побелке.

— Ладно, — соглашаюсь я. И надеваю старую, рваную рубаху.

Как мы поздравляли папу

Обычно по праздникам у папы грустное настроение. А тут наступило 23 февраля — праздник всех мужчин.

— Давай поздравим папу, — сказала мама.

— Конечно, — согласился я. — Ведь наш папа — мужчина.

— Постараемся развеселить его, — сказала мама. — Сделаем ему приятное.

Чтобы сделать папе приятное, мы решили поздравить его на танке. Ведь в армии папа был танкистом. Ему будет приятно вспомнить прошлое.

Танк мы устроили в большой картонной коробке из-под шкафа. Дно у коробки оторвали, а спереди просунули швабру.

— Это будет дуло, — сказала мама и засмеялась.

— А ещё у современных танков скоро будут захваты, — сказал я. — Как у роботов. Этими захватами можно расчищать завалы на пути.

— Как знаешь, — говорит мама. — В этом деле вы с папой разбираетесь лучше меня.

Захват мы с мамой сделали из палки с рогатиной на конце. С этой палкой папа ходит по грибы.

Потом мы с мамой сели в танк и поехали в комнату, где спал папа.

— Дыр-дыр-дыр, — гудели мы, но папа не просыпался.

— Бых! Бых! — стреляли мы из пушки. А папа всё спал.

— Придётся применить захват, — сказала мама и ткнула в папу рогатой палкой.

Папе, наверное, снился какой-то страшный сон. Поэтому он подскочил на кровати как ужаленный.

— А-а-а! — закричал папа спросонья.

Он не стал бы кричать, если бы узнал нас. Но мы с мамой сидели в коробке. И папа, конечно, нас не узнал. Он начал швыряться в нас подушками.

— Гранатами забрасывает, — сказала мама. — Давай газовую атаку!

У нас в танке был баллончик с жидкостью для мух. Из него я дал газовую атаку.

Папа выкатил глаза и раскрыл рот. Потом он прыгнул с кровати на стол, со стола на пол. И убежал из комнаты.

— Кажется, мы немного переборщили, — огорчилась мама. — Противник оказался морально не подготовлен.

— Ведь мы хотели, чтоб всё было по-настоящему, — сказал я.

Мы вылезли из танка и пошли разыскивать противника. Папы нигде не было. Только из-под двери в ванной виднелся свет.

— Эй! Это мы, — говорит мама через дверь. — Сдавайся!

И я тоже кричу:

— Сдавайся! Ты окружён!

Папа услышал наши голоса и выглянул из ванной.

— А, это вы, — сказал он. Вид у него был неважный.

— Поздравляем тебя с праздником, — сказала мама. И протянула папе подарок — новую бритву. — Сюрприз с пробуждением. Ты не обижайся. Праздник есть праздник!

Папа не очень обижался. Он только долго молчал. Потом он пил чай и грустно приговаривал: «Праздник есть праздник... Праздник есть праздник...»

По праздникам у папы всегда грустное настроение.

В ожидании верблюда

Мы играем в футбол в нашем дворе. Мяч летает из угла в угол. У нас во дворе полным-полно углов.

— Им есть, где разгуляться! — говорят наши родители.

И мы разгуливаемся вовсю. Дым коромыслом!

А после дождя в футбол играть совсем негде. Посреди двора — большая лужа.

Но вот приходит верблюд и медленно выпивает всю лужу. А потом уходит восвояси.

— Ура! — кричим мы. — Да здравствуют верблюды!

Мы снова играем в футбол. Целое утро, целый день и целый вечер. Потом снова льёт дождь, и лужа полным-полна.

Мы долго ждём верблюда. Но его нет. А в школе нам рассказывают, что верблюд — корабль пустыни и запасается водой на много дней.

Из-за этого верблюда мы теперь долго не сможем играть в футбол. От скуки мы валяем дурака.

— Им негде разгуляться, — с грустью говорят наши родители.

Они тоже ждут верблюда. Мы ждём верблюда все вместе.

Как мы неграми были

Мы мчались на поезде в неведомую даль. Там, вдали, жила-была наша любимая бабушка. Нам хотелось поскорее её увидеть, и

мы с папой то и дело высовывались в поездное окно. То он, то я, то я, то он.

Вот папа высунулся, ойкнул, чихнул и всунулся обратно с чёрным лицом.

— Ну, здорово! — воскликнул я. И быстро в окно выглянул. Только я ничего не успел увидеть. Просто дёрнулся, ойкнул, чихнул — и обратно. А в оконном стекле моя чёрная физиономия отразилась.

— Интересно, отчего это вы так моментально закоптились?! — удивляется мама и сама в окно высовывается. Только она ничего не успела увидеть, как сама чёрная стала.

Сидим мы в купе, друг на друга пальцами показываем и смеёмся. Надо же, какие грязные!

— Ладно, — говорит мама. — Хватит баловаться, пойдём в туалет умыться.

Пришли мы в туалет, а там кран сухой из стены торчит.

— Кончилась вода, граждане негры! — говорит нам проводник и почему-то по-иностранному добавляет: — Гитлер капут!

— Ура! — кричу я. — Хоть немножко грязными ходим!

— Ай да мальчик! Ай да молодец! — восхищается проводник. — Мало, что негр, а по-нашему говорит. Ты, мальчик, передай своим родителям-неграм, что я телеграмму на вокзал вышлю. Чтоб, значит, вас встретили как почётную африканскую делегацию.